

ХРОНИКИ СТРАНСТВУЮЩЕГО КОТА

Очаровательный
роман...
наполненный
таким же чувством
самообладания
и такой же
успокаивающий,
как сам кот.

Sunday Telegraph

Хиро
Арикава

Хиро Арикава

Хроники странствующего кота

Серия «Азбука-бестселлер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48585530

*Хроники странствующего кота: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2020
ISBN 978-5-389-17643-0*

Аннотация

«Хроники странствующего кота» – бестселлер Хиро Арикавы, покоривший сердца миллионов читателей по всему миру.

Это трогательная история дружбы кота со «счастливым» именем Нана, что означает по-японски «семь», и его хозяина Сатору. Вместе с тем это роман-путешествие, в котором герои перемещаются как в пространстве, так и во времени: Нана открывает для себя безбрежные морские просторы и красоту горы Фудзи, а Сатору как будто заново переживает события детства и юности.

На первый взгляд кот Нана, выступающий в роли рассказчика, реалист и прагматик до мозга костей, со своей, сугубо кошачьей, философией жизни. Однако ему удастся так глубоко проникнуть во внутренний мир своего хозяина, что иногда он понимает его лучше его самого. Кто же они друг для друга? Зачем Сатору раз за разом отправляется в путь, прихватив с собой любимого кота?..

Впервые на русском!

Содержание

Пролог. Наша жизнь до первого странствия	6
Хроника первая Коскэ	20
Хроника вторая	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Хиро Арикава

Хроники

странствующего кота

Hiro Arikawa

TABINEKO RIPÔTO

Copyright © 2015 Hiro Arikawa

Internal illustrations © Yoco Nagamiya / Dutch Uncle

Publication rights for this Russian edition arranged through
Kodansha Ltd., Tokyo

All rights reserved

© Г. Б. Дуткина, перевод, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Автором обложки является талантливый китайский художник-самоучка Шуай Лю, с детства прикованный к инвалидному креслу. Шуай Лю рисует в основных техниках традиционной китайской живописи и остается единственной опорой для своих родителей после того, как в автомобиль-

ной аварии погиб его старший брат.

В несомненном бестселлере Хиро Арикавы выведен кот, у которого есть сердце; он знает, что такое верность и благодарность, и никогда не покинет своего любимого хозяина.

Guardian

Любой, у кого когда-нибудь был кот, будет тронут этим волнующим путешествием.

Guardian

В романе есть теплота, акварельность и нежность... — испытываешь наслаждение от чтения.

Financial Times

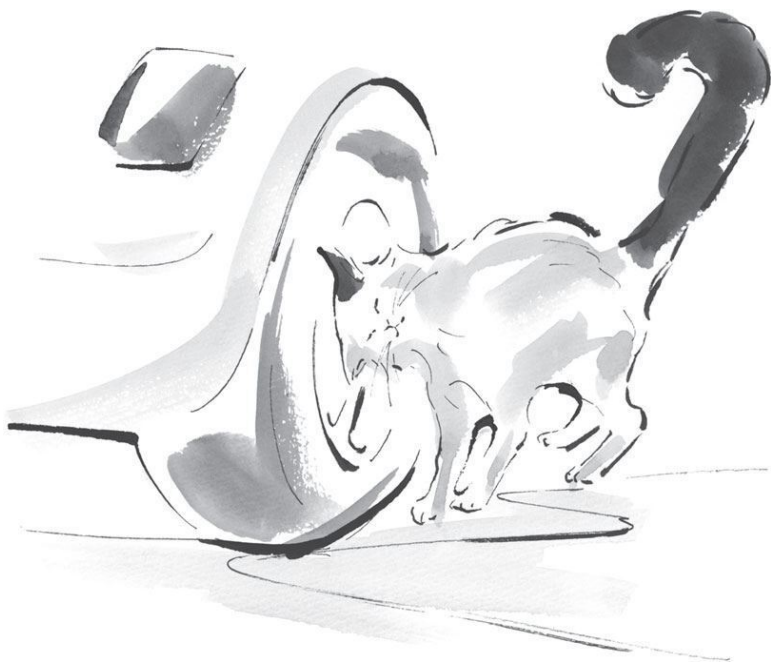
Арикава обладает легким пером, которое возносит эту историю до притчи о верности и дружбе и одновременно напоминает об одной из важнейших человеческих потребностей — потребности в дружеском общении.

Irish Times

Проворный, забавный и ласковый... Арикава действительно знает кошек, насколько человек вообще может их постичь.

Time

Пролог. Наша жизнь до первого странствия

Позвольте представиться: я – кот, просто кот, у меня еще нет имени. Эта фраза принадлежит некоему прославлен-

ному коту, он вроде тоже живет в Японии¹. Не могу сказать, насколько он знаменит, но по части имени я, пожалуй, дам ему фору. У меня-то имечко уже есть.

Другое дело, нравится мне оно или нет... Ну, хотя бы уже потому, что оно совсем не подходит такому отчаянному храбрецу, как я. Мне его дали лет пять назад, я тогда как раз превратился из котенка в кота и достиг совершеннолетия.

Есть разные точки зрения, как считать возраст у кошек, но все, в общем, сходятся на двадцати.

В тот период я облюбовал себе один серебристый фургончик, который хозяин оставлял на парковке у многоквартирного дома, и постоянно дрых на его капоте. Почему именно там? Да потому, что никто не гонял меня и не орал «Брысь, брысь отсюда!». Люди слишком много мнят о себе, хотя, в сущности, это большие обезьяны, которые научились ходить на двух конечностях. Они запросто могут оставить машину под дождем или снегом, но стоит им увидеть на ней следы кошачьих лап... о-о, тут такой поднимается крик!.. Хотя коты имеют полное право гулять там, где им вздумается, – это закон Высшей справедливости. Но если наследить на капоте, эти двуногие придут в ярость и обязательно сгонят тебя оттуда.

Как бы то ни было, мне весьма понравился этот серебри-

¹ Цитата из знаменитого сатирического романа японского писателя Нацумэ Сосэки (1867–1916) «Ваш покорный слуга кот» (1905). (Здесь и далее – примеч. перев.).

стый фургон. Даже зимой солнце нагревало его и на нем было так приятно вздремнуть, особенно днем.

Наконец наступила весна, а значит, я благополучно пережил год. Родиться весной – большая удача для котов. Наше любимое время года – весна и осень, но родившиеся осенью котята редко переживают зиму.

И вот однажды, когда я дремал на капоте, свернувшись клубочком, я вдруг почувствовал на себе чей-то прямо-таки обжигающий взгляд. Приоткрыв глаза, я увидел прямо перед собой молодого долговязого парня. Он, как зачарованный, смотрел на меня, немного прищурившись.

– Ты всегда тут спишь? – спросил он.

Ну, положим. А в чем, собственно, дело?

– А ты красавец...

Да. Мне часто это говорят.

– Можно тебя погладить?

Нет уж, увольте, спасибо!

Я угрожающе поднял переднюю лапу и зашипел.

Парень разочарованно скривил губы.

Интересно, а тебе самому-то понравилось бы, разбуди тебя кто да вдобавок облапай с головы до хвоста?

– Значит, просто так тебя гладить нельзя...

Догадливый, быстро соображаешь! А то пришел, разбудил – и ничего взамен? Нет, так не пойдет.

Услышав шорох, я живо приподнял голову – парень рылся

в пакете, явно купленном в местном комбини².

– Вообще-то, эта еда не очень годится для кошек...

Да мне все сгодится! Бродячим котам не пристало воротить морду от угощения. Вон тот вяленый гребешок, ммм... выглядит очень недурно.

Я принялся к упаковке, торчавшей из пакета. Но парень легонько щелкнул меня по лбу. Мол, не спеши, приятель.

– Это вредно для котов. Слишком остро.

Вредно, говоришь? Да уличному коту, который не знает, что будет с ним завтра, начхать на здоровье! Куда важней набить брюхо прямо сейчас.

Парень извлек из сэндвича котлету, соскреб с нее соус и протянул ее на ладони.

Что же, прикажешь жрать прямо с руки?! Решил, меня можно так легко приманить? Но с другой стороны... не настолько уж часто котам перепадает настоящее мяско... ах, какое аппетитное! Ладно, согласен, пусть будет с руки.

Пока я с жадностью заглатывал котлету, парень осторожно чесал меня за ухом. Он делал это очень нежно. Вообще, я всегда позволяю гладить себя тому, кто меня кормит, но... этот парень – он был явно мастак в этом деле.

Если ты дашь мне еще кусочек, то можешь пощекотать меня под подбородком, так уж и быть.

Я потерялся мордой о его руку.

² *Комбини* – в Японии: небольшой круглосуточный магазин в шаговой доступности.

– На, держи!

Парень с улыбкой вытащил из сэндвича вторую котлету и, очистив от соуса, протянул мне.

Ну зачем ты его счищаешь? Я вовсе не против соуса. С соусом оно даже сытнее.

Я позволил себя погладить в благодарность за угощение... но нужно и совесть знать! Я было собрался угрожающе поднять лапу, как парень сам убрал руку и пошел прочь, бросив мне на прощание:

– Еще увидимся!

Я наблюдал за ним, пока он поднимался по лестнице к двери дома. Этот парень отлично чувствует настроение.

Так состоялась наша первая встреча. А имя он мне придумал потом, но это уже отдельная тема.

После того случая я каждую ночь обнаруживал под серебристым фургончиком сухой кошачий корм. Прямо у заднего колеса. Примерно пригоршню – как раз подходящая порция для кота. Парень появлялся всякий раз внезапно. Если я был на месте, то разрешал ему погладить себя в знак благодарности, если же где-то рыскал, то он оставлял мне еду и уходил несолоно хлебавши.

Порой мой корм успевали сожрать другие коты, а иногда парень не возвращался на ночь домой, и я напрасно ждал, что он вынесет мне еду, до самого утра – и так и оставался голодным, но, как правило, я мог рассчитывать на одну хо-

рошую кормежку в сутки. И все же люди – такие непостоянные существа. Как я мог всецело рассчитывать на щедрость этого парня? Вольная кошачья жизнь – целое искусство выживания, когда нужно учитывать самые непредвиденные ситуации...

Так мы и жили – не сближаясь особо, но и не теряя друг друга из виду, как обыкновенные знакомые. На некотором расстоянии. И только жизнь вошла в эту привычную колею, как вмешалась сама судьба, в корне изменившая наши отношения.

И это было чудовищно больно!..

Когда однажды ночью я перебежал дорогу, меня ослепили фары откуда-то вывернувшей машины. Раздался пронзительный гудок. Я попытался отскочить. Тут-то все и случилось. Мне не хватило какой-то доли секунды, и машина накрыла меня. Страшный удар отшвырнул меня в сторону, я даже не понял, что произошло. Очнулся в придорожных кустах. От чудовищной боли я взвыл, однако я был жив. И все же что-то было очень неладно. Я попытался привстать, но боль пронзила меня с новой силой.

А-а-а! Как больно, как же мне больно!!! Что с моей задней лапой? Какая жуткая боль! Я изогнулся, чтоб дотянуться до лапы илизать рану. Но... о ужас! Из шерсти торчала кость.

Даже самый ужасный укус или порез я бы смог залечить, но это... это было за гранью возможного. Торчавшая наружу

кость словно вобрала в себя все муки ада. Это было просто невыносимо!

Что делать? Что же мне делать?! Помогите, ну кто-нибудь...

Ну и чушь я несу. Кто станет помогать уличному коту? И тут я вдруг вспомнил про того долговязого парня, который каждую ночь приходил на парковку насыпать мне корму. *Он* точно поможет! Почему я решил, что он непременно поможет? Ведь мы не были друзьями, – в благодарность за его приношения я только изредка позволял себя гладить, и все.

И тем не менее я потащился к нему, волоча перебитую заднюю ногу с выпирающей костью.

Несколько раз лапы отказывались повиноваться от обжигающей боли, которая разливалась по всему моему телу. Все... больше нет сил... но еще шаг... еще один шаг...

В сущности, я был не так уж и далеко от того дома, где жил парень, однако допелз до серебристого фургончика лишь под утро, когда небо уже начинало светлеть.

Все. Силы иссякли. Мне конец. Теперь уже точно.

И я завыл – завыл что было мочи.

А-а-а!!! А-а-а-а!!! Как же мне бо-о-ольно!!!

Я орал и орал – пока совсем не обессилел. Мне было больно даже кричать. И тут я услышал шаги – кто-то спускался по лестнице. Я приподнял морду – да, это был он, тот долговязый парень.

– Я так и решил, что это ты! – Посмотрев на меня, парень

переменился в лице. – Что случилось? Ты попал под машину? Больно, да? Ну конечно же больно.

Ну, хватит глупых вопросов, а то я разозлюсь! Пожалел бы израненного кота.

– Ты так истошно кричал, что я даже проснулся. Ты меня звал?!

Тебя, тебя, ну кого же еще! Только ты не очень-то торопился...

– И ты решил, что я тебе помогу? Да?

Ну-у, может, и так... угадал.

Тут парень зашмыгал носом. Что такое... Он плачет?

– Ты настоящий молодец, что вспомнил обо мне! Я тобой горжусь!

Коты не плачут, как люди. Но кажется, я понимал, почему он льет слезы. Я вспомнил именно о нем, когда понял, что мне конец. Все сложилось так скверно... но может, хоть тут повезет?

Так ты поможешь мне или нет? Мне больно, как же мне больно... уже нет мочи терпеть!

Меня охватил панический страх. Что со мной будет?

– Ну потерпи, потерпи. Все будет хорошо!

Парень бережно уложил меня в картонную коробку, в которую постелил мягкое полотенце, поставил коробку на сиденье серебристого фургона. И повез меня в ветеринарную клинику.

Там был ад, сущий ад, это останется моим самым страш-

ным воспоминанием, поэтому я опускаю подробности. Мало кто возжелает попасть в это место вторично, ну а уж я...

Кончилось тем, что я поселился у парня – до тех пор, пока не срастется кость.

Он жил один, квартирka чистенькая, нигде ни пылинки. Лоток для моих «дел» он поставил в ванной комнате. А в кухне – миски для еды и воды.

Хоть я и уличный кот, я очень умный и знаю, как себя вести. Я сразу же научился пользоваться лотком – стоило только раз показать. Не было случая, чтобы я наделал мимо или где попало. И я не точил когти там, где нельзя. Стены и двери однозначно были под запретом, поэтому я отрывался на мебели и ковре. Во всяком случае, парень прямо не говорил, что мебель и ковер драть нельзя. (Вообще-то, поначалу он взирал на мои выкрутасы с несчастным видом, но я ловлю все на лету – так вот, на мебель и ковер не было *абсолютного табу*, у меня нюх на такие вещи.)

Прошло, наверное, месяца два, пока кость срослась и с лапы сняли швы. За это время я выяснил имя парня. Сатору Мияваки. Меня Сатору пока никак не называл – только «ты», «кот» или даже «господин кот», если ему в какой-то определенный момент так хотелось. У меня никогда не было имени, поэтому я не обижался. И даже будь у меня имя, я не смог бы сказать об этом Сатору, ведь он не владеет кошачьим языком. Люди понимают только человеческий язык, с

ними сложно общаться. А вы в курсе, что животные более развиты в этом плане? Они понимают речь многих существ.

Когда я пытался выйти за дверь, Сатору хмурился и с озабоченным видом принимался увещевать меня:

– Если ты уйдешь, ты можешь и не вернуться, верно? Ну подожди, пока окончательно не поправишься! Ты же не хочешь бегать всю оставшуюся жизнь со швами?

К тому времени я уже мог кое-как передвигаться, хотя лапа все еще болела. Но Сатору делал такое расстроенное лицо, что я решил воздержаться от прогулок на ближайшие месяца два. В самом деле, как я буду драться с другими котами, если еще приволакиваю заднюю лапу?

И вот наконец раны мои зажили окончательно. Я подошел к двери и мяукнул.

Выпусти меня! Спасибо тебе за все, вовек благодарен. Отныне можешь гладить меня просто так, без угощения. На капоте своего серебристого фургончика.

Что такое? Лицо Сатору приняло даже не озабоченное, а прямо-таки страдальческое выражение. Примерно как в случае с мебелью и ковром. Не то чтобы совсем нельзя. Но... Весьма сходные чувства.

– Ты предпочитаешь жить на улице?

Послушай, не надо, у тебя такой вид, будто сейчас заплачешь. А то и мне станет грустно оттого, что я ухожу.

– Я-то думал, ты будешь жить у меня... И станешь моим котом! – выпалил вдруг Сатору.

Эй, это нечестный прием! Я до мозга костей свободный кот, мысль стать домашним любимцем мне даже в голову не приходила. Я жил у тебя, пока заживала лапа, но теперь она в порядке, и я собираюсь уйти! Нет, не совсем так – я думал, что обязан уйти! А если обязан, то лучше удалиться достойно, не дожидаясь, пока вышвырнут вон. Коты – очень гордые существа. Если ты хочешь, чтобы я остался с тобой, так скажи мне об этом – и поскорее!

Сатору нехотя отворил дверь, и я выскользнул наружу. Потом обернулся, посмотрел на Сатору и мяукнул.

Пойдем со мной!

Сатору, похоже, понял, что я сказал. Для человека у него хорошая интуиция, он понимает, что я ему говорю. Сатору бросил на меня озадаченный взгляд, но все же вышел следом.

Ночь была светлая, яркая луна освещала притихший, совершенно безмолвный город. Я вскочил на капот серебристого фургона, чтобы удостовериться, что могу прыгать, как прежде, потом соскочил вниз и стал с наслаждением кататься по земле. Рядом проехала машина, и хвост у меня непроизвольно взлетел вверх. Страх попасть под колеса поселился во мне навсегда. Невольно я кинулся в ноги Сатору. Он смотрел на меня с ласковой улыбкой.

Мы обошли вокруг дома, потом я направился к подъезду. Перед дверью Сатору, на площадке второго этажа, я снова мяукнул.

Открывай!

Я взглянул на Сатору. Он улыбался, но глаза были полны слез.

– Ты вернулся ко мне? Да?

Да, да! Ну открывай же скорее!

– Так ты согласен быть *моим* котом?

Да. Только иногда выпускай меня погулять, хорошо?

Так я стал жить у Сатору.

– В детстве у меня был кот, точная копия тебя! – Сатору извлек из шкафа какой-то большой альбом. – Вот! Гляди!

Альбом был битком набит фотографиями одного и того же кота. Я знаю, как называют таких людей: «чокнутые кошатники». Однако кот на снимках действительно сильно смахивал на меня. Целиком белый, только на мордочке цветные отметины. Две полосы на морде и еще черный хвост крючком. Изгиб хвоста немного другой, а вот пятнышки на морде у нас с тем котом одинаковые. Точь-в-точь.

– Полоски на мордочке у него были домиком, как иероглиф «хати»³ – «восемь», поэтому я дал ему имя Хати.

Фу, до чего неоригинально. Дурацкое имя. Интересно, а мне он что подберет? Вопрос имени начинал смутно тревожить меня. За восьмеркой идет девятка – «ку».

– А как тебе имя Нана?

О-о-о, мы решили заняться вычитанием? И остановились

³ Иероглиф «хати» # обозначает цифру 8.

на цифре семь?⁴ Довольно непредвиденный поворот...

– У тебя загогулина в другую сторону, не так, как у Хати, и если смотреть сверху, то похоже на цифру семь, то есть «нана».

А, это он сейчас про мой хвост... Постой, постой! Нана – это ведь совершенно девчачье имя, разве не так? Я страшный, закаленный в схватках кот. Какая еще Нана?!

– Точно, пусть будет Нана! Отличное имя! Семерка – счастливое число...

Что он несет?!

Я недовольно мяукнул, но Сатору, прикрыв глаза, пощекотал меня под подбородком.

– Тебе тоже понравилось, да?

He-e-et!!! Я же сказал!

Но тут я невольно замурлыкал. Это не по правилам – гладить меня в такой момент!

– Я вижу, что тебе понравилось...

He-e-et...

Я прозевал шанс исправить ошибку (ну что я мог поделаться, если Сатору гладил меня не переставая). Так я получил имя Нана.

– Нам с тобой придется переехать на другую квартиру.

В доме, где жил Сатору, не разрешалось держать животных, но он уговорил арендодателя сделать исключение для меня – на то время, пока заживала моя лапа. Потом мы с

⁴ «Семь» на японском языке звучит как «нана».

Сатору перебрались на другую квартиру, в том же квартале. Устроить себе эдакую головную боль с переездом – и все ради какого-то кота... Может, мне не стоило этого говорить, тем более что я сам кот... только ведь и правда, Сатору – законченный кошатник!

Так началась наша совместная жизнь. Сатору был идеальным соседом, но ведь и я идеальный кот для совместного проживания! И мы душа в душу прожили целых пять лет.

* * *

За это время я вырос и заматерел. Сатору тоже вошел в возраст – ему было уже немного за тридцать, самый расцвет жизни.

– Прости меня, Нана... – Сатору виновато погладил меня по голове.

За что? Все нормально!

– Мне очень жаль, что все так сложилось...

Не надо ничего объяснять. Я все схватываю на лету.

– Я не хочу расставаться с тобой...

Хроника первая Коскэ

«Прости за долгое молчание...»

Так начиналось письмо, пришедшее на электронную почту Коскэ. Письмо было от Сатору Мияваки, друга детства, который перебрался в другой город еще в начальной школе. Он потом не раз переезжал с места на место, но они с Коскэ никогда не теряли друг друга из виду. Даже теперь, когда обоим было за тридцать, они поддерживали дружеские отношения. Сатору и Коскэ могли не видеться много лет, но

при встрече начинали болтать, как будто расстались вчера.

«Извини, что обращаюсь к тебе с неожиданной просьбой. Ты не мог бы взять к себе моего кота?»

Далее следовало объяснение: это его обожаемый кот, но в связи с безвыходной ситуацией Сатору больше не может держать его и ищет, кому бы пристроить.

Что за «безвыходная ситуация», Сатору не уточнял.

В письмо были вложены две фотографии кота с пятнышками на лбу в форме иероглифа «хати».

– Да это же вылитый Хати! – не удержался от восклицания Коскэ.

В самом деле, кот на фото был как две капли воды похож на того котенка, которого они с Сатору нашли в тот далекий памятный день. Коскэ прокрутил письмо до второго фото – на нем крупным планом был запечатлен задранный кверху кошачий хвост. Черный хвост, изогнутый в форме семерки. Говорят, коты с такими хвостами приносят удачу. Кто же это сказал? Ах да... Коскэ вздохнул. Это ему говорила жена. Но сейчас жена вернулась к родителям. И неизвестно, когда она снова приедет к Коскэ. Он терзался смутными подозрениями, что уже никогда.

Ему в голову вдруг пришла нелепая мысль, что все могло сложиться иначе, если бы у них жил кот вот с таким «счастливым» хвостом. Бродил бы по дому, собирая своим крючковатым хвостом кусочки хрупкого счастья, – и как знать, возможно, они с женой смогли бы построить простые, бес-

хитростные отношения... даже при отсутствии ребенка.

«Это было бы весьма кстати – взять к себе кота Сатору», – подумал Коскэ. Кот на фото очень хорош, настоящий красавец, – вылитый Хати. И хвост у него тоже крючком. Да и с Сатору они уже сто лет не виделись.

«Друг попросил меня взять его кота, как ты на это смотришь?» – написал Коскэ жене. Жена ответила: «Делай, как тебе угодно». Весьма нелюбезно. Но это уже достижение, до этого она вообще игнорировала его письма. Если взять кота Сатору, может, она не утерпит и придет посмотреть на него? Жена обожает кошек. А если еще поплакаться, что кота-то он взял, но не знает, чем кормить и все такое, то, может, она и вернется – из сострадания к коту?

Нет. Ничего не выйдет. Отец не выносит кошек. Коскэ поймал себя на мысли, что с привычным страхом ждет вспышки отцовского гнева, и с досады даже языком прищелкнул.

Как раз это и переполнило чашу терпения жены. Ведь сейчас не отец, а сам Коскэ – владелец студии, и его не должно заботить отцовское настроение. Не должно заботить, однако заботит.

Возможно, инстинктивный протест против диктата отца и подвигнул Коскэ согласиться на то, чтобы взять кота у лучшего друга детства.

Сатору приехал на следующей неделе, когда у Коскэ был выходной. И привез с собой своего обожаемого кота.

Заслышав звук мотора, Коскэ вышел на улицу – серебристый фургон Сатору как раз выруливал на стоянку студии.

– Коскэ! Сколько лет, сколько зим! – Сатору оторвал руку от руля и помахал Коскэ.

– Давай паркуйся быстрее! – с невеселой улыбкой ответил Коскэ.

Они не виделись целых три года. Он был очень рад приезде Сатору. Тот ничуть не изменился, остался таким же, как в детстве.

– Надо было прямо тут парковаться, здесь ведь проще.

На стоянке перед студией было три места для машин клиентов, но Сатору выбрал место рядом со входом в дом, где были навалены коробки и прочий хлам.

– А вдруг клиенты приедут? Неудобно получится.

– Сегодня выходной. Ты забыл?

Среда была в студии нерабочим днем. Коскэ приглашал Сатору в субботу или воскресенье, когда в фирме Сатору выходные дни, но Сатору настоял на среде, мол, неловко, ведь он будет с котом.

Сатору кивнул, вылез из машины и достал переноску с заднего сиденья.

– Это и есть Нана?

– Да. Я же посылал тебе фотографии. Хвост у него похож на семерку. Подходящее имя, правда?

– Ты всегда выбираешь странные имена. Прежде был Ха-

ти...

Они прошли в дом. Однако, когда Коскэ захотел рассмотреть Нана поближе, тот угрожающе заворчал и не пожелал выбираться из переноски. Коскэ заглянул в переноску, но увидел только черный хвост крючком и белый пушистый зад.

– Нана... Нана-тян⁵, что с тобой? – растерялся Сатору.

Он сам попытался вытащить кота, но и у него ничего не вышло.

– Извини. Незнакомый дом, Нана, видимо, нервничает. Подождем, пока не успокоится...

Они поставили переноску на пол, открыв дверцу, и принялись вспоминать школьное прошлое.

– Ты за рулем, поэтому тебе нельзя алкоголь. Что будешь – кофе или чай?

– Давай кофе.

Коскэ сделал две чашки кофе. Сатору взял свою и как бы невзначай поинтересовался:

– А где супруга?

Коскэ хотел увильнуть от ответа, но не нашел что сказать.

– Она вернулась к родителям, – после неловкой паузы выдавил он.

– О-о... вот как?

На лице Сатору отразилась целая гамма чувств: «Извини, дружище. Я не хотел... не хотел сделать тебе больно, но я же не знал».

⁵ – *тян* – уменьшительно-ласкательный суффикс для имен в японском языке.

– И... а ты разве можешь сам решать вопрос насчет кота? Вы не поругаетесь потом, когда она вернется?

– Она любит кошек. Может быть, она скорее вернется, если я возьму кота.

– У людей разные вкусы.

– Я переслал ей те фото с Нана. Она сказала: «Делай, как тебе угодно».

– То есть ее согласия ты не получил.

– Она разрешила поступать, как мне угодно. И вообще, это первый раз за все время, когда она ответила мне, – потому что дело касалось кота.

«Может, она скорее вернется, если я возьму кота» – это, конечно, была шутка, однако в глубине души Коскэ надеялся именно на такой поворот событий.

– Она никогда не выгонит кошку из дома. Если вернется. А не вернется, я сам буду заботиться о Нана. Какие проблемы.

– Понятно, – протянул Сатору, закрывая тему.

Теперь была очередь Коскэ задавать вопросы.

– Ты мне лучше скажи, почему ты больше не можешь держать Нана?

– Ну... как тебе объяснить. – Сатору с неловким смешком почесал голову. – Возникли некоторые обстоятельства, и мы не сможем теперь жить вместе.

Что-то щелкнуло в голове у Коскэ. Тут что-то не так, он почувствовал это еще тогда, когда они договаривались

о встрече. Сатору, работавший в фирме с девяти до шести, вдруг предложил подстроиться под график Коскэ и приехал в середине недели!

– Тебя уволили?

– Ну... нет, дело в том, что теперь у меня не получится держать его у себя.

Сатору явно уходил от ответа, и Коскэ не стал насеждать.

– Во всяком случае, мне нужно пристроить Нана в хорошие руки. Я уже пробовал договориться с парой близких друзей...

– Вот как... Да, это не так легко.

Коскэ еще больше захотелось взять к себе Нана. Акт милосердия! Нужно помочь человеку, тем более Сатору.

– Ну а ты-то как? Какие планы на жизнь? И вообще...

– Спасибо, что спросил. Если я пристрою Нана, со мной все будет превосходно.

Коскэ почувствовал, что дальше заходить не стоит. Это будет слишком назойливо. Он уже дал понять: если нужно чем-то помочь, пусть Сатору только скажет.

– Знаешь, я прямо обалдел, когда получил фото. Это же вылитый Хати!

– Когда ты увидишь его воочию, ты еще больше удивишься.

Сатору обернулся на переноску, стоявшую у него за спиной. Нана и не думал высовывать нос.

– Когда я впервые встретил его, я тоже был потрясен. На

мгновение подумал, что это и в самом деле Хати.

Такого, разумеется, быть не могло, и печаль Сатору нельзя было не заметить.

– А что случилось с Хати?

– Он погиб, когда я учился в старшей школе. Его новый хозяин связался со мной. Сказал, что Хати попал под машину.

Было видно, что даже сейчас Сатору тяжело говорить об этом.

– Молодцы, что сообщили тебе.

Хорошо, когда можно погоревать о любимом коте с другом. Но в то время Сатору, наверное, рыдал в одиночку, и не один раз...

– Извини, я что-то совсем раскис.

– Ну что ты извиняешься, идиот!

Коскэ замахнулся, словно хотел легонько толкнуть Сатору, – и тот шутливо уклонился.

– Время летит так быстро, что даже не замечаешь. Кажется, это было вчера. Когда мы с тобой нашли Хати. Помнишь? Сатору смущенно засмеялся.

* * *

Неподалеку от фотостудии семьи Савада, вверх по склону пологого холма, начинался жилой квартал. Лет тридцать назад квартал считался перспективным и модным, в нем было

много красивых, словно сошедших с картинки, домов и шикарных кондоминиумов.

Семья Сатору жила как раз в одном из таких кондоминиумов. Сатору, отец и мать. Сатору и Коскэ стали вместе ходить в клуб по плаванию во втором классе начальной школы. У Коскэ в детстве была легкая форма атопического дерматита, и его привела в клуб мать, свято веровавшая в то, что вода излечивает все болезни. У Сатору были иные причины. Он плавал так быстро, что все шутили насчет перепонок у него между пальцами, и даже школьные учителя советовали ему заняться плаванием всерьез, вот он и пришел в клуб.

Озорник Сатору во время перерывов ползал по дну бассейна, как саламандра, а потом внезапно всплывал, пугая других учеников. Однажды тренер в сердцах назвал его каппой⁶, и прозвище прилипло к Сатору. А иногда тренер называл его еще перепончатопалым – в зависимости от настроения.

Поэтому Сатору всегда тренировался в группе для продвинутых, а Коскэ занимался вместе с обычными детьми, среди которых было много таких же, как он, аллергиков.

И впрямь, Сатору был необычайно хорош, когда плыл по дорожке, рассекая воду, – настоящий каппа. И хотя они с Коскэ были друзьями, в такие моменты Коскэ положительно ненавидел Сатору. Как ему хотелось быть похожим на него!

Но как-то Сатору, расшалившись не в меру, неудачно

⁶ *Kanna* (букв. «речное дитя») в японской низшей мифологии – водяной.

нырнул и поранил лоб о дно бассейна. После чего зависть Коскэ мгновенно растаяла... Котенка они нашли в самом начале лета.

Коскэ и Сатору уже два года вместе ходили на плавание. Обычно они встречались у подножия холма, на котором располагался их квартал, и в тот день Коскэ пришел раньше Сатору. А поэтому первый увидел коробку.

Картонная коробка стояла прямо под столбом с картой жилого массива. И мяукала. Коскэ боязливо приоткрыл крышку – и увидел два белых пушистых комочка. Только местами на них пестрели цветные пятнышки.

Коскэ взирал на котят в немом изумлении. Какие беспомощные, нежные существа! Котята были такими крошечными, что он не решился их потрогать.

– О-о! Котята! – раздался над его головой голос Сатору. – Откуда они взялись? – спросил он, сев на корточки рядом с Коскэ.

– Кто-то оставил их здесь в коробке.

– Какие хорошенькие!

Некоторое время мальчики осторожно гладили нежные пушистые комочки. Потом Сатору предложил:

– Давай возьмем их на руки?

«У тебя аллергия, не смей прикасаться ни к каким животным!» Коскэ явственно услышал сердитый окрик матери, но стоять и смотреть, как их берет на руки Сатору, было просто невыносимо. В конце концов, это он первый увидел котят!

Коскэ подсунул ладонь под котенка и вытащил его из коробки. Он был такой невесомый! Коскэ гладил бы и гладил пушистое тельце, но они опаздывали на занятия.

– Пора бежать!

– Да, пора... – уговаривали они друг друга. Потом, с трудом оторвавшись от котят, со всех ног помчались в клуб, договорившись, что вернутся сюда после занятий.

Они все-таки опоздали, за что получили от тренера по подзатыльнику.

После тренировки мальчики опрометью бросились к подножию холма. Коробка оказалась на месте, но увы! – там был только один котенок. Кто-то уже забрал второго.

У Коскэ с Сатору было такое чувство, что судьба этого оставшегося котенка в их руках. Разноцветного котенка с двумя пятнышками на мордочке в форме иероглифа «хати» и черным хвостом, загнутым крючком.

Мальчишки уселись на траву возле коробки, не отрывая глаз от свернувшегося клубочком котенка. Разве найдется ребенок, который не захочет принести домой крошечное пушистое чудо?

Но как их встретят дома? Каждый из них прекрасно понимал, что творится в голове у приятеля. Коскэ знал, что мать будет ругаться, ведь у него дерматит. Да и отец не очень-то любит животных.

Первым решился Сатору:

– Я попрошу маму!

– Это нечестно! – взорвался Коскэ.

Дело было не в котенке, а в чем-то другом – в той неприязни, что скопилась в нем на тренировках по плаванию. А тут еще девочка, которая нравилась Коскэ... Глядя на плывущего Сатору, она восхищенно воскликнула: «Как же красиво!» (Теперь-то Коскэ понимал, что та фраза относилась не к самому Сатору, а к его умению плавать, но ведь он каппа, стоило ли завидовать?)

Да, Сатору быстро плавает, у него нет дерматита, и мама с папой добрые. Если он принесет котенка домой, они примут его без возражений, это ясно как божий день. Мало того что девочка восхитилась Сатору, теперь еще и котенок ему достанется?! Вот это пушистое крошечное существо! Какая чудовищная несправедливость!

– Это нечестно! – повторил Коскэ.

Сатору даже отпрянул, будто его ударили. При виде растерянного лица приятеля Коскэ стало стыдно. Он понимал, что зря набросился на Сатору, но сдержаться не смог.

– Это я первый нашел его!

Дурацкий аргумент... Но Сатору вдруг согласился, признав вину, – как-то даже чересчур легко.

– Прости меня! Ты прав, это ты нашел котенка, значит он твой.

Понимая, что зря обидел товарища, Коскэ тем не менее сердито кивнул в ответ.

Они довольно холодно попрощались, и Коскэ удалился с

коробкой в руках.

Как ни странно, его мать была совершенно не против.

– Возможно, плавание помогло, но в последнее время у тебя нет аллергических реакций. Так что если мы будем поддерживать чистоту, то все будет нормально. Когда я жила с родителями, у нас тоже был кот – и все было замечательно.

Однако отец был непреклонен.

– Какой еще кот?! Ни за что! – заорал он. И было ясно, что он не собирается менять свое мнение. – Чтобы он точил когти и драл в доме все подряд?! Между прочим, и денег на него уйдет прорва. Я не для того день и ночь работаю, чтобы кормить каких-то котов!

Мать Коскэ пыталась урезонить его, но отец и слушать ничего не хотел. Перед ужином он велел Коскэ отнести котенка туда, где он его взял.

Едва сдерживая слезы, Коскэ потащился к подножию холма, крепко прижимая к груди коробку с котенком. Но оставить коробку у столба с картой квартала, там, где он ее нашел, – нет, это было выше его сил. И Коскэ повернул к дому Сатору, совершенно забыв о том, что они недавно так скверно расстались.

– Отец запретил мне взять его... – выговорил Коскэ, сдерживая душившие его рыдания.

– Понятно, – кивнул Сатору. – Предоставь это дело мне. У меня есть отличная идея!

Сатору ушел в дом. Коскэ терпеливо ждал под дверью, полагая, что Сатору пошел просить разрешения у мамы, однако Сатору вернулся с большой спортивной сумкой через плечо. С этой сумкой он ходил на тренировки в клуб.

– Сатору, куда это ты, с сумкой? – встревожилась мать, стряпавшая что-то на кухне. – Скоро отец вернется, ужинать будем!

– Ужинайте без меня, – отозвался Сатору, обуваясь в прихожей. – Мы с Коскэ решили сбежать из дома.

– Что? Что ты сказал?!

Мама Сатору всегда отличалась мягкостью и деликатностью. Коскэ ни разу не видел ее в таком гневе. Она жарила темпуру⁷ и не могла оторваться – только на секунду выглянула из кухни.

– Ко-тян! Что он такое говорит?

Но Коскэ и сам ничего не понимал.

– Потом объясню! – Сатору потащил его за руку на улицу. – Я взял эту книгу в школьной библиотеке. Там отец тоже набросился на сына из-за того, что тот подобрал бездомного щенка, и велел отнести щенка обратно, но мальчик не мог выкинуть щенка и ушел из дома. В итоге отец отправился искать его среди ночи и разрешил оставить щенка, при условии что мальчик будет сам ухаживать за ним. – Взволнованной скороговоркой Сатору пересказал содержание. – Точь-в-

⁷ *Темпура* – японские блюда из рыбы, морепродуктов или овощей, которые обмакивают в кляр и жарят во фритюре.

точно как у тебя, Коскэ, поэтому план точно сработает! Только у тебя не щенок, а котенок. И еще тебе помогаю я!

Помимо того что это был не щенок, а котенок плюс наличие Сатору в качестве помощника, были еще и другие существенные отличия в сюжете, однако идея чуть-чуть напугать отца показалась Коскэ довольно соблазнительной. Если он сбежит из дома, может, отец и впрямь взволнуется и хотя бы немного пожалеет о содеянном? Поэтому он поддержал план Сатору.

Первым делом мальчишки отправились в комбини купить еду для котенка.

– Нам нужен корм для маленького котенка! – объявили они на кассе, и продавец, молодой парень с крашеными рыжими волосами, подал им банку с кормом.

– Это, я думаю, подойдет – что-то вроде мусса, – пояснил он. Парень оказался очень приветливым и любезным, несмотря на кошмарный вид.

Они немного подкрепились, сидя в парке. Сатору прихватил из дома хлеб и какие-то сладости. Потом дали поесть котенку.

– В книжке написано, что все произошло около полуночи. Следовательно, нам придется болтаться здесь до двенадцати ночи. – Предусмотрительный Сатору прихватил с собой будильник.

– Боюсь, отец сильно разозлится, если меня не будет дома так поздно.

Отец Коскэ всегда любезно вел себя с посторонними, но дома был упрямым деспотом и впадал в ярость по малейшему пустяку.

– Ты что?! Это же ради котенка! И потом, по книге, отец тебя простил, так что все будет как нужно!

Ну, это по книге – простил... Однако Коскэ не высказал этого вслух, поддавшись вдохновенному безрассудству Сатору. В реальной жизни отец Коскэ был не таким покладистым, и Коскэ терзали смутные предчувствия, что все пройдет не так гладко.

Пока мальчишки ждали полуночи, играя в парке с котенком, к ним подошли несколько женщин, выгуливавших собак: все они поинтересовались, что это Коскэ с Сатору делают в парке в столь поздний час. «Ваши родители будут волноваться!» – говорили они. И Коскэ, и Сатору были слишком известны в округе. Коскэ уже начал подозревать, что они выбрали не самое подходящее место для ожидания, но Сатору был невозмутимо спокоен.

– Не беспокойтесь, пожалуйста, – отвечал он на все расспросы. – Мы просто сбежали из дома!

Когда к ним подошел уже пятый человек, Коскэ не выдержал.

– Послушай, Сатору! Разве так убегают из дома?

– Пожалуй, ты прав. Но в книге отец приходит искать мальчика в парк.

– Все это какая-то глупость...

Как бы он ни надеялся, отец вряд ли раскается в своем поведении. А если и раскается, все равно не разрешит взять котенка.

– Сатору! Уже очень поздно, хватит валять дурака! Иди домой! И у Коскэ-тян тоже дома беспокоятся!.. – слышался голос матери Сатору.

Сатору вздрогнул.

– Они не должны были так скоро нас найти!

– Ты так думаешь?

Неужели не ясно, что все эти тетушки, которые подходили к ним, тут же бежали к родителям Сатору и сообщали: «Ваш мальчик играет в парке»?

– Мам, извини! Но нас пока нельзя ловить! – крикнул Сатору и, бросив на ходу: «Скорее, бежим отсюда!» – подхватил коробку с котенком и помчался прочь.

Коскэ нехотя последовал за ним. Реальность явно расходилась с историей, рассказанной Сатору, однако все еще можно исправить. Наверное.

Им удалось улизнуть от матери Сатору, они уже неслись по дороге, вниз по холму, когда внезапно раздался грозный рык. Отец Коскэ!

– А ну вернись!

«Вот теперь уже ничего не исправить... Наверное, лучше просить прощения», – подумал Коскэ.

– Это враг! Бежим! – крикнул вдруг Сатору.

Дело принимало неожиданный оборот. Не такой, как в

книжке.

Коскэ даже представить не мог, куда заведет их новая сюжетная линия, но ему не оставалось ничего другого, кроме как мчаться вслед за Сатору.

Тучный и неповоротливый отец Коскэ быстро сбавил темп, и мальчишки потеряли его из виду после первого же поворота, но теперь они оказались на совершенно прямой улице, где негде было укрыться.

– Коскэ, сюда!

Сатору влетел в двери комбини, где они покупали корм котенку.

Несколько покупателей бродили по магазину, продавец с рыжими волосами вяло переставлял что-то на полках.

– Спрячьте нас, за нами погоня! – страшным голосом выкрикнул Сатору. Продавец с подозрением уставился на них.

– Если они нас поймают, то выбросят его! – Сатору показал продавцу коробку.

Оттуда раздавалось истошное мяуканье. Котенка растрясло в коробке, пока они бежали, и он громко возмущался.

Продавец молча посмотрел на коробку, потом так же молча поманил Сатору и Коскэ за собой, вглубь магазина. Они выскочили через черную дверь на задний двор.

– Вы – наш спаситель! – крикнули на бегу Сатору с Коскэ продавцу.

Тот так же молча помахал им рукой.

Мальчишки еще долго бегали в поисках укрытия и в кон-

це концов прибежали к собственной школе.

Странная затея Сатору сбежать из дома переполошила всю округу. И когда они влетели в школу, преследователи уже наступали им на пятки. Мальчишки проникли в школьное здание через окно, которое плохо запиралось, – о чем знали все ученики. Но взрослые понятия не имели об этом, а потому бестолково бегали вокруг школы, не зная, как попасть внутрь. Тем временем Сатору с Коскэ взобрались на верхний этаж. Потом залезли на крышу – и только теперь вспомнили про котенка в коробке.

– Как там он? Не повредила бы ему наша беготня...

Из коробки не доносилось ни звука, поэтому они приоткрыли ее – посмотреть. Котенок сидел, забившись в угол. Коскэ нерешительно протянул руку, потрогать...

– Мяу!!! – раздался пронзительный вопль.

– Тсс... Молчи! Сиди тихо!

Мальчишки, шипя друг на друга, попытались утихомирить котенка. Но тот продолжал истошно мяукать. Все громче и громче.

Внизу стали собираться люди.

– Кошка мяукает!

– Это на крыше!

– Коскэ, я сказал, хватит валять дурака! Слышишь, что я тебе говорю?! – Сердитый голос отца Коскэ перекрывал все крики. По тону было понятно, что он вне себя от злости и Коскэ ждет хорошая трепка.

Коскэ полными слез глазами посмотрел на Сатору:

– Ничего не вышло! Ты меня обманул, Сатору!

– Нет, нам нельзя терять надежду. Мы сейчас еще можем повернуть все как надо!

– Нет, не сможем!

– Сатору, немедленно спускайся! – К общему хору присоединился еще один голос: отца Сатору.

– Можно взобраться на крышу по пожарной лестнице, – сказал кто-то внизу.

Стало понятно, что отец Коскэ с налитыми кровью глазами уже лезет вверх.

Коскэ в отчаянии сжал голову руками:

– Мне конец!

Тогда Сатору подбежал к ограждению крыши.

– Стойте! – крикнул он, перегнувшись через ограждение. – Если вы не остановитесь, то Коскэ спрыгнет вниз!

Толпа внизу загудела.

– ЧТО?! – оторопел Коскэ. – Ты что говоришь, Сатору?!

Он дернул Сатору за рукав, но тот повернулся к нему с сияющей улыбкой и поднял большой палец.

– Я говорил, что мы все повернем в нашу пользу!

Коскэ вовсе не желал такого «поворота», но, по крайней мере, это остудило воинственный пыл отца Коскэ.

– Сатору, это правда? То, что ты сейчас сказал? – взвизгнула мать Сатору.

– Правда, правда! – отозвался Сатору. – Он уже кроссовки

снял!

Внизу раздались крики ужаса.

– Коскэ, малыш, не делай этого! – слышался голос отца Сатору.

– Хватит дурить! – Это уже отец Коскэ. Даже сверху было видно, как он зол. – Не морочь нам голову! Вот я сейчас поднимусь – и стащу тебя оттуда!

– Не делайте этого, Савада-сан!⁸ – крикнул Сатору. – Иначе Коскэ совершит самоубийство, вместе с котенком! Он все решил!

Сатору повернулся к Коскэ.

– Коскэ, перегнись через ограждение!

– Нет! – испугался Коскэ. – Чтоб я рисковал своей жизнью? Ради чего?

– Но ведь ты же хотел котенка? – опешил Сатору.

Да, хотел. Но не такой же ценой. Не ценой своей жизни! Это просто глупо! В конце концов, та книжка, про которую твердит Сатору, не заканчивается смертью героя в обнимку со щенком!

– Послушай, Сатору... а давай мы попросим, чтобы тебе разрешили взять котенка к себе...

– Что? – Сатору с недоумением посмотрел на Коскэ. – Я же с самого начала собирался это сделать.

– Послушай... ты же не предлагаешь серьезно, чтобы я умер вместе с котенком? Возьми его лучше себе.

⁸ – сан – нейтрально-вежливый суффикс для имен в японском языке.

– Ну... тебе нужно было раньше об этом сказать! – Сатору даже покраснел. Потом перегнулся через ограждение и крикнул: – Пап! Мам! Коскэ согласен, чтобы мы взяли котенка к себе!

– Хорошо, хорошо! Только отговори Коскэ-тян прыгать!

Внизу продолжала шуметь и волноваться толпа не понимающих, что происходит, людей.

* * *

Да-а-а, Сатору. Похоже, ты в детстве не очень дружил с головой...

Из моей переноски хорошо было слышно, о чем говорят Коскэ с Сатору. Таких невероятных и душераздирающих историй я еще не слышал.

– Но самый кошмар начался после того, как мы спустились с крыши!

– Да уж, твой отец, Коскэ, надавал нам тогда таких тумаков. Наутро я был похож на статую Большого Будды в Наре.

«Похоже, тот кот, который перебаламутил всю округу, и был мой предшественник Хати», – подумал я.

– Кстати, о Хати... Он же был трехцветный, верно? Говорят, трехцветные коты – я имею в виду самцов – очень редкое в природе явление.

...Вот как? Значит, я – очень редкое явление? Ведь мы с Хати практически неотличимы!

Я даже уши наострил. Интересно, что ответит Сатору.

Сатору рассмеялся:

– В самом деле? Ну, вообще, я тоже интересовался у ветеринара. Он сказал, что пятен слишком мало, чтобы считать его трехцветным.

– Да? А, точно, у Хати цветные отметины были только на лбу, ну еще хвост. А так он весь был целиком белый.

Коскэ вдруг замолк. Потом поднял руки и скрестил их на груди. Мне все это хорошо было видно из моей переноски.

– Я вот что сейчас подумал... если бы я тогда сказал отцу, что это очень редкая порода трехцветных котов, может, он и позволил бы мне взять его. Хотя нет. Все равно бы не разрешил.

Коскэ перевел взгляд на мою переноску.

Я тотчас же отвернулся, чтобы не встречаться с ним взглядом. Это будет весьма неприятно, если он начнет приставать ко мне с нежностями.

– А Нана? Мордочка у него точь-в-точь как у Хати, но отметин побольше. Он-то хотя бы трехцветный?

– Нет, Нана тоже не может считаться трехцветным. Просто пестрый.

Спасибо, удружил, «просто пестрый», вот как. Я злобно покосился на Сатору.

– Но для меня Нана дороже, чем самый редкий трехцветный кот. Похоже, это судьба – найти точно такого же, как мой обожаемый первый кот, правда? – продолжил Сатору. –

Когда я встретил его, то сразу понял, что пройдет время – и он тоже станет моим драгоценным котом.

Да ладно. Не будем впадать в крайности. Хотя звучит красиво, согласен. Но... А-а-а, так вот почему Сатору плакал в ту ночь! Когда я попал под машину и приполз к его дому. Он ведь сказал, что Хати сбила машина. Наверное, испугался, что со мной будет так же, как с Хати. И он потеряет еще одного обожаемого кота.

– Хороший был кот Хати. Такой воспитанный.

– Хотя не очень-то крепкий, – с улыбкой заметил Сатору.

Похоже, Хати был из той породы котов, что висят как тряпка, когда их берут за загривок. Кот, который не ловит мышей, вот как это зовется. Очень печально. Настоящий кот не будет висеть как тряпка, он задерет кверху задние лапы! А я? Я очень крепкий кот, само собой разумеется! Я изловил свою первую ласточку, когда мне было всего полгода. А поймать пернатую дичь гораздо сложнее, чем бегающую на четырех лапах.

– Да, я помню, он всегда выбивался из сил, когда носился за своими игрушками.

– Вообще был довольно флегматичным.

– А Нана?

– Ему особенно нравятся игрушечные мыши. Ну, те, что сделаны из кроличьего меха.

Минутку! Нет, такое я стерпеть не могу! Когда это мне нравились ваши ужасные поддельные мыши?! Да, они пах-

нут, как настоящие, и похожи на настоящих мышей, и, когда мне предлагают такие штуки, я всегда бросаюсь на них, это естественно. Но сколько их ни грызи, из них не брызнет вкусный сок и их нельзя съесть. Так что когда я успокаиваюсь, то чувствую себя обманутым. Как в том мультике, где самурай рубанет какую-нибудь ерундовину, а потом жалеет, что на зряшное дело хороший меч употребил. По телику его иногда крутят. Вот и я так же себя ощущаю – опять поохотился на какую-то ерундовину. (Кстати, Сатору нравятся киношки, где стреляют.) Производители игрушек для котов могли бы в этих мышей закладывать куриные грудки! Но как сообщить об этом производителям? *Господа, перестаньте беспокоиться о кошачьих хозяевах, хоть иногда интересуйтесь клиентами. Вашими истинными потребителями являемся мы, коты!*

Чтобы выпустить пар после таких «приключений», я обычно выхожу погулять. Но поскольку за мной, как правило, увязывается Сатору, то нормально поохотиться не получается. Только мне удастся выследить дичь, как в дело вступает Сатору и портит мне всю малину. Он начинает нарочно издавать какие-то звуки и совершать ненужные телодвижения. Когда я злобно кошусь на него, он изображает саму невинность – мол, что такого, а что я неправильно сделал? Благодарю, увольте меня от такой охоты!

Разозлившись, я начинаю бить хвостом, а он скорбно смотрит на меня с разнесчастным видом и оправдывается.

Примерно так: «Нана, у тебя же дома сколько угодно сухого корма! Ну зачем тебе нужно кого-то убивать? Ведь даже если ты изловишь несчастную птичку, ты все равно не будешь ее есть, Нана...»

Дурак, дурак, какой же дура-а-ак!!! В каждом живущем на земле существе от природы заложен инстинкт убийцы! Да, ты можешь стать вегетарианцем, чтобы не убивать животных, – ты просто не слышишь, как кричат растения, когда ты убиваешь их! Охотиться на все, что движется, – это кошачий природный инстинкт.

Те существа, которые разучились убивать ради насыщения, бездарные слабаки! Но Сатору – человек, он не в состоянии понять эту истину. Что толку объяснять.

– А Нана хороший охотник?

– Не то слово! Он тут недавно голубя изловил, когда бедняга залетел к нам на крыльцо.

Да-да, верно говоришь. Изловил, потому что эти твари совсем обнаглели на человеческой территории. И мне захотелось хорошенько их проучить, хоть разок. А Сатору с полными слез глазами твердит мне одно и то же: «Ну зачем ты их убиваешь, ведь ты же не станешь их есть?» И мешает мне охотиться во время прогулок.

А не ты ли, Сатору, сетовал, что голуби обгадили выстиранные вещи, которые ты повесил сушиться? Вот я и подумал: «Если я отважусь этих тварей, и Сатору порадует-ся, и я поохочусь – в буквальном смысле „одним ударом двух

птиц!“!» Чем же ты недоволен? И кстати... после того случая ни один голубь не осмелился залететь к нам на крыльцо! Только я что-то так и не услышал слов благодарности.

– С этим голубем была потом куча проблем. Ну, воробья или мышь можно закопать в кустах рядом с домом, но голубь слишком большой... его не так легко спрятать. В итоге пришлось похоронить его в парке. Если кто-то видел, как тридцатилетний мужик закапывает голубя, точно заподозрил меня в чем-то таком, нехорошем.

– В наше время много странного в мире.

– Да уж. Пока закапывал, без конца оправдывался перед прохожими: «Простите, но это не я, его убил мой кот». Знаешь, люди смотрели на меня очень недобро. Это был единственный случай, когда я не взял Нана с собой на прогулку.

Подумать только! Сколько у тебя было проблем... Тем более надо было взять меня с собой. Но Сатору мне об этом ничего не говорил, так что я не собираюсь извиняться.

– Похоже, Нана не такой ручной, как Хати.

– Иногда он бывает очень ласковым. Когда мне плохо или настроение – дрянь, он всегда ложится под бочок...

Ну, ведь в такие моменты мне тоже не больно-то радостно.

– Иногда мне кажется, что он понимает человеческую речь. И еще он очень умный.

Зато эти двуногие, которые думают, что коты их не понимают, глупы как пробка!

– Хати тоже был очень ласковым. Когда я прибегал к тебе

после очередной взбучки отца, он всегда забирался мне на колени и не хотел слезать.

– Он чувствовал, когда человеку плохо. Если родители ссорились, он всегда приходил к тому, кому доставалось больше.

– Нана такой же?

– Безусловно. Он очень добрый.

Ну вот, и до меня добрались. Похвалил наконец. Хати, похоже, был хороший кот, но все эти славословия... Хати то да Хати се... Он ведь умер, верно? Может, мне тоже нужно умереть, чтобы и меня так расхваливали?

– Ты прости меня, – сказал вдруг Коскэ. – Я тогда должен был взять у тебя Хати...

– А что мы могли поделать?

По тону Сатору было понятно, что он не держит обиды, а вот Коскэ... Весь его вид говорил о том, что его обида не прошла.

* * *

Хотя Хати жил в семье Сатору, половину его воспитания Коскэ взял на себя. Всякий раз, приходя к другу, Коскэ играл с Хати. Бывало и так, что Сатору брал Хати с собой, собираясь в гости к Коскэ.

Сначала отец Коскэ был категорически против кота в доме, и они играли в гараже, но вскоре мама Коскэ стала пус-

кать их в дом, разумеется кроме студии. Тогда и отец постепенно смягчился и даже привык. Поначалу он строго следил, чтобы кот не точил когти о стены и мебель, но потом стал проявлять к Хати некоторый интерес.

Коскэ очень жалел, что Хати не его кот, но был рад и тому, что отец стал к котенку добрее. Ему казалось, что отец хотя бы отчасти понял его и сделал шаг навстречу. И даже надеялся, что если он найдет еще одного котенка, то теперь-то уж ему разрешат принести его в дом.

Потому что, когда в доме живет твой собственный кот, это совершенно меняет дело.

Когда Коскэ оставался на ночь у Сатору, они спали в его комнате на разложенных рядышком футонах⁹, и порой Коскэ будили мягкие прикосновения кошачьих лап. Это Хати перебирался через Коскэ к Сатору. Что может быть прекраснее ощущения легких кошачьих лап посреди ночи?

Коскэ приподнимал голову и смотрел, как Хати засыпает, свернувшись клубочком на груди у Сатору. Тому, видимо, становилось трудно дышать, и он, не просыпаясь, снимал Хати с груди и клал рядом с собой. Счастливчик! Если бы Хати принадлежал Коскэ, он бы каждую ночь спал вместе с ним – и пусть себе топчется по нему своими мягкими лапками сколько угодно.

– Кажется, отец полюбил Хати... и если мы найдем еще

⁹ *Футон* – толстый хлопчатобумажный матрас, на котором ночью спят на полу, а утром убирают в шкаф.

одного котенка, он, может быть, позволит мне взять его себе.
– Здорово! Тогда у Хати появится друг!

Эта идея привела Сатору в восторг, и теперь по пути из бассейна домой он внимательно осматривал окрестности в поисках еще одной коробки с котенком.

Но под столбом с картой микрорайона больше не оставляли коробок с котятами.

Это было и к лучшему, что никто не выбрасывал бедных котят. Потому что, даже если бы они и нашли еще одного котенка, отец Коскэ ни за что не позволил бы взять его в дом.

Прошло два года с того дня, как Хати поселился у Сатору. Коскэ и Сатору теперь учились в шестом классе начальной школы¹⁰.

Осенью школа организовала для их класса экскурсионную поездку в Киото. Три дня и две ночи. Коскэ мало интересовали храмы, они все казались ему одинаковыми, но жить в чужом городе вместе с друзьями – это было здорово! А еще Коскэ дали с собой довольно крупную сумму на карманные расходы, о которой он даже и не мечтал, – теперь можно было купить сувениров. Коскэ и себе хотелось много чего купить, но в первую очередь нужно найти подарки для отца и мамы. Он всю голову сломал, пытаясь распределить бюджет.

...Они стояли у лавки с сувенирами. На лице у Сатору

¹⁰ Учеба в начальной школе в Японии продолжается шесть лет, далее три года – в средней школе и три года – в старшей.

было написано страдание.

– Ты чего? – спросил Коскэ.

– Да вот, думаю, какую выбрать. – Сатору разглядывал прилавки с косметикой, где лежали упаковки матирующей бумаги для лица, самых разнообразных оттенков. – Мама попросила меня купить ей, но я забыл, какую именно...

– А они что, разные? Разве они чем-то отличаются? Вроде все одинаковые.

Однако Сатору все не мог решиться, и тогда Коскэ предложил:

– Ну, может, для мамы потом купишь?

– Да, лучше я сейчас куплю подарок для папы, – согласился Сатору.

– Вот и правильно. Я тоже хочу купить что-нибудь для отца.

Они обошли еще несколько лавок. Коскэ первый решил, что купить. Держатель для ключей с брелоком в виде манэки-нэко¹¹. С флажком за спиной, на котором было написано «Удача в делах, торговле и бизнесе». В подарке был тайный смысл – Коскэ надеялся, что отцу станут нравиться кошки.

– Отлично! – Сатору горящими глазами разглядывал забавную мордочку кошки. – Но у нас нет своего семейного

¹¹ *Манэки-нэко* (букв. «приглашающая кошка», также известная как «кошка удачи») – керамическая или фарфоровая фигурка кошки с поднятой вверх лапой. Часто выставляется в витринах магазинов, окнах кафе и т. д. Считается талисманом удачи.

бизнеса. Так что надпись как-то не очень...

– Да там полно фигурок с другими надписями! – возразил Коскэ.

Сатору остановился на двух, наименее сомнительных, вариантах – «Здоровье превыше всего» и «Безопасность на дорогах». Была еще третья, «Безопасность в доме», но Сатору не очень понял ее смысл.

В итоге он выбрал брелок для ключей с надписью «Безопасность на дорогах», потому что кошка на кольце чем-то напоминала Хати.

В тот день он так и не вспомнил марку матирующей бумаги для мамы и сказал, что купит ее на следующий день.

Наступил второй день путешествия.

Однако после обеда Сатору куда-то исчез. Когда все собрались, учитель сказал: «У Мияваки-кун¹² неприятности дома, он уехал пораньше».

– Бедный Сатору!

Все принялись сочувствовать, представив себя на месте Сатору. Какая жалость – вернуться домой в середине поездки!

– Савада-кун, ты не знаешь, что случилось?

Но Коскэ тоже не знал. Сатору уехал, ничего не сказав ему – лучшему другу. Похоже, случилось что-то серьезное.

(Сатору, а ты ведь так и не купил подарок для мамы, толь-

¹² – *кун* (яп. «ты») – более «теплый», чем «-сан», но все еще подходящий для формального обращения суффикс.

ко для отца успел найти. Твоя мама обидится...)

Внезапно Коскэ осенила идея.

Он сам купит эту бумагу, как она там называется, для мамы Сатору! Но как узнать, какую марку ей нужно?

Пока Коскэ ломал голову, они приехали в Кинкакудзи¹³. Сияющий Золотой павильон был необычен и странен и совсем не походил на те скорбные строгие храмы, что они посетили ранее.

Все дружно решили, что «это безвкусно и кричаще». «Жаль, что Сатору нет с нами», – с болью в сердце подумал Коскэ.

Когда по расписанию настало «свободное время», Коскэ наткнулся на двух одноклассниц, что-то возбужденно обсуждавших в сувенирной лавке. Тут его вновь осенило. Эти должны знать все про бумагу! Девчонки же ее используют!

– Послушайте! – окликнул Коскэ щебетавших, словно две веселые птички, девиц. – Подскажите мне марку матирующей бумаги для лица! Ну, какую-нибудь очень известную.

– «Ёдзия», «Ёдзия»! – хором завопили обе. – Она есть тут в одном магазинчике неподалеку.

Девицы как раз направлялись туда, и Коскэ увязался за ними.

Самая дешевая матирующая бумага стоила больше трехсот иен, Коскэ даже начал колебаться, прикидывая, сколько

¹³ *Кинкакудзи*, или *Золотой павильон*, – известный буддийский храм в Киото. Два верхних этажа павильона покрыты листьями сусального золота.

денег у него после этого останется.

...Но ведь Сатору пришлось уехать в середине поездки! Какая жалость! Сатору – самый близкий его друг. Он, наверное, переживает, что не успел купить бумагу для мамы, и из-за этого страдает даже сильнее, чем из-за преждевременного отъезда. Только он, Коскэ, способен это понять.

И Коскэ купил упаковку этой самой бумаги, с нарисованной на обертке куклой кокэси¹⁴, хотя совершенно не понимал, что тут такого ценного. Пакетик был такой крохотный и тонюсенький, что Коскэ даже усомнился, что мама Сатору действительно будет рада подарку. Но ведь Сатору собирался его купить...

– Савада-кун! Это тебя твоя мама попросила?

– Нет, это попросила мама Сатору, он как раз искал такую... но не успел купить, уехал.

– Ты молодец, Савада-кун! – восхитились девчонки, и у Коскэ стало радостно на душе. – Маме Мияваки-кун она точно понравится! Очень известная марка!

– В самом деле известная? – удивился Коскэ и с облегчением вздохнул. Теперь он больше не сомневался, что мама Сатору обрадуется подарку, несмотря на то что пакетик такой тонкий.

«Надо было купить такую и для моей мамы», – подумал он. Однако он уже купил ей подарок, еще вчера. Покупка

¹⁴ *Кокэси* – японская расписная деревянная куколка, состоящая из круглой головы и туловища-цилиндра (без рук и ног).

двух подарков будет расценена как расточительство. И если он привезет маме два подарка...

Коскэ живо представил себе лицо отца и отказался от этой идеи.

На третий день путешествие подошло к концу и все вернулись домой.

– Вот и я! – приветствовал родителей Коскэ, войдя в дом. Он достал подарки и уже собирался рассказать о поездке, но отец грубо оборвал его:

– Хватит тараторить!

Коскэ даже опешил – какая несправедливость! Ведь он всего-навсего хотел подарить подарки, а его обругали. Никого из его класса так не встречают дома! При этой мысли к глазам подступили слезы.

Но тут мама повернулась к нему с каким-то странным выражением на лице:

– Скорее переодевайся, мы идем к Сатору-кун.

– Сатору уехал раньше времени, что-то случилось?

Мама потупилась, подбирая слова, но отец обошелся без церемоний.

– У Сатору-кун ушли родители! – Голос у него был как будто рассерженный.

«Ушли родители». Эти слова не складывались в понятную картину, в голове у Коскэ был полный туман.

– Умерли! – рявкнул отец.

Тут до Коскэ дошло, и слезы хлынули ручьем. Казалось, им не будет конца.

(Сатору... Сатору, Сатору! Что же это такое? Накануне поездки в Киото они играли у него в доме. С Хати. И мама Сатору сказала, провожая его: «Завтра у вас экскурсия, рано вставать, тебе надо поскорее вернуться домой. С Хати вы всегда успеете поиграть!» Как же было больно Сатору, когда он один возвращался домой, зная, что мамы с папой больше нет...)

— Они погибли в автомобильной катастрофе. Ехали на машине и резко повернули, чтобы не сбить мотоциклиста, который выскочил буквально у них перед носом. Мотоциклист остался жив, а вот они... Сегодня прощание, нам нужно пойти.

Мама принесла чистый костюм, и Коскэ переоделся, после чего они втроем вышли на улицу. Но когда дошли до подножия холма, Коскэ вспомнил, что забыл взять одну вещь.

— Что, нельзя потом?!

Отец был в ярости, но Коскэ твердо стоял на своем. Пусть идут без него, он догонит. Ему все же удалось выпросить у отца ключи. И он помчался обратно, на бегу услышав, как отец в сердцах пробормотал:

— Что за балбес, вечно у него какие-то фантазии.

Прощание проходило не в доме Сатору, а в районном зале для собраний.

Две женщины, одетые в черное, суетливо сновали между пришедшими. Два гроба стояли на алтаре, рядом сидел одетый в черное Сатору.

– Сатору! – окликнул его Коскэ.

Сатору кивнул в ответ с отсутствующим видом. Казалось, что мысли его витают где-то очень далеко.

– Вот! – Коскэ достал из кармана пакетик с матирующей бумагой. Это за ним он бегал домой, из-за него получил обидное замечание от отца. – Тут бумага, которую хотела твоя мама. Марка называется «Ёдзия».

И тогда Сатору вдруг заплакал навзрыд. Только потом, повзрослев, Коскэ узнал слово «стенания» и понял, что оно означает.

К ним подошла женщина в черном. Очень молодая. Моложе, чем мама Сатору. Она что-то сказала Сатору, погладила его по спине. По ее жестам было понятно, что она близкий Сатору человек.

– Ты друг Сатору? – спросила она у Коскэ.

Коскэ выпрямился во весь рост и кивнул.

– Ты можешь отвести Сатору домой? Ему нужно передохнуть. Он сейчас первый раз заплакал за все это время.

«Это он из-за меня заплакал», – подумал Коскэ. Но он же не хотел так сильно расстраивать Сатору!

Однако женщина в черном улыбнулась ему опухшими от слез глазами.

– Спасибо тебе!

Коскэ за руку отвел Сатору домой. По дороге Сатору несколько раз вырвало. И он безостановочно бормотал что-то невнятное:

– Запоздал амулет для папы... У этой манэки-нэко надпись «Безопасность на дорогах», только не помогло... а для мамы не было подарка, так что спасибо, что купил...

Только Коскэ мог разобрать эти слова. Человеку со стороны причитания Сатору показались бы бессвязными завываниями.

Дома в прихожей их встретил Хати. Он нисколько не испугался воющего, словно звереныш, Сатору и пошел в гостиную, словно приглашая мальчиков за собой. В гостиной Сатору обессиленно сел на татами¹⁵, и Хати тут же забрался к нему на колени и стал лизать ему руки. Это давно, когда они только выбрали Хати, он был маленьким беспомощным котенком, теперь же он был гораздо взрослее Сатору.

На похоронах Коскэ все время находился рядом с той молодой женщиной в черном. Остальные были родственники семьи Сатору, однако, похоже, не столь близкие.

Одноклассники Сатору тоже пришли, чтобы воскурить свечи и помолиться об усопших. Все девочки плакали, но Сатору приветствовал их с каменным лицом, не проронив ни слезинки.

¹⁵ *Татами* – традиционные плетеные маты, которыми устилают полы в японском доме.

Коскэ был восхищен выдержкой Сатору. Но он чувствовал, что Сатору не здесь, он где-то далеко-далеко.

Случись подобное у Коскэ – одновременно умерли бы и мама, и папа (пусть даже отец называет Коскэ балбесом), – Коскэ не сумел бы так хладнокровно держаться.

После похорон Сатору так и не вернулся в школу. Каждый день Коскэ приходил к нему домой, чтобы сообщить ему домашние задания, и потом они молча играли с Хати. Затем Коскэ шел к себе домой.

Та молодая женщина все это время находилась в доме Сатору, оказалось, что она – его тетя, младшая сестра мамы Сатору.

«Интересно, теперь Сатору будет жить с ней?» – гадал Коскэ. Он заглядывал к Сатору даже в те дни, когда не было домашних заданий. Тетя Сатору помнила, как его зовут, и встречала всегда приветливо, однако была гораздо сдержанней оживленной, общительной мамы Сатору, и Коскэ всякий раз казалось, что он попал в незнакомый дом.

– Мы переезжаем, – проронил однажды Сатору. Тетя решила забрать его к себе, но она живет далеко, в другом городе.

Коскэ смутно предчувствовал такой поворот событий с той поры, как Сатору перестал ходить в школу, однако, когда это произошло, его сердце чуть не разорвалось от боли.

Он понимал, что бесполезно что-то говорить и что это ни-

чего не изменит. Он молча погладил Хати, лежавшего на коленях Сатору, и Хати принялся нежно облизывать его руки.

– Вы ведь возьмете Хати с собой?

(Если они возьмут с собой Хати, Сатору не будет так плохо. Он будет не один на новом месте.)

Но Сатору покачал головой:

– Я не могу взять Хати. Тетя все время переезжает, у нее работа связана с поездками.

У Сатору было такое выражение лица, будто он тоже понимал, что ныть и жаловаться бесполезно.

«Ну-у, это уже как-то слишком», – подумал Коскэ.

– А что будет с Хати?

– Дальние родственники возьмут его к себе, они согласились.

– А ты хорошо их знаешь?

Сатору снова покачал головой.

Горячая волна негодования вскипела в груди у Коскэ: «Как можно отдавать Хати в чужие руки? Хати, который так ласково лижет руки Сатору?»

– Я... я спрошу у родителей, может, они позволят забрать Хати к нам.

(Ведь Коскэ не меньше Сатору заботился о Хати все это время! И если теперь Хати будет жить у него, то Сатору сможет приезжать к Коскэ повидаться с Хати. Отец последнее время стал мягче относиться к Хати. Не то что тогда, когда Коскэ впервые принес котенка домой.)

Как оказалось, позиция отца Коскэ нисколько не переменилась.

– Я же сказал, никаких котов!

– Но ведь у Сатору умерли папа с мамой! Ты только представь – каково ему отдавать Хати чужим людям!

– Это не чужие люди. Они его родственники.

– Но Сатору говорит, что совсем их не знает...

(Дальние родственники, которых Сатору вряд ли когда-то увидит, все равно что чужие! Неужели взрослым это не понятно? И что друзья всегда ближе!)

– Во всяком случае, я запрещаю. Кошки иногда живут по десять – двадцать лет. Ты что, хочешь взвалить на себя такую ответственность?

– Да!

– Как может человек, не заработавший еще ни гроша, делать такие заявления! Не смей мне дерзить!

Тут уже мама решила, что все это перебор, и встала на сторону Коскэ, однако отец был неумолим.

– Мне очень жаль Сатору, но его кот... одно к другому не имеет отношения. Ступай и скажи ему, что тебе запретили дома!

Так и не сумев переубедить отца, Коскэ поплелся к Сатору, обливаясь слезами. Он с трудом волочил ноги, поднимаясь по склону к дому Сатору.

Когда они выбрали Хати, Сатору сделал все, что было в его силах, чтобы Хати жил у Коскэ. Ничего путного из этого

не вышло, но Сатору бился как лев, до последнего.

Кончилось это тем, что Хати достался Сатору.

– Прости меня, – едва выговорил Коскэ, низко опустив голову. Слезы текли у него по щекам. – Отец запретил мне взять Хати.

Никогда еще Коскэ не было так стыдно.

(Отец, неужели ты не понимаешь, как много для меня значит Сатору? Ты не позволил взять кота моего лучшего друга! Я ненавижу тебя за это!)

– Ничего! – Сатору улыбнулся сквозь слезы. – Спасибо, что спросил.

В день отъезда Коскэ пришел проводить Сатору. Невероятно, но его отец тоже явился.

– Разумеется, я пойду, – сообщил он, – ведь Сатору частенько бывал у нас в доме, он нам не чужой.

«И это после того, как он запретил взять Хати! Как можно так бессовестно себя вести, – возмущался Коскэ. – И ему даже нисколько не стыдно...»

Именно в тот день Коскэ впервые испытал чувство глубокого презрения к отцу.

Сначала Коскэ с Сатору писали друг другу и перезванивались очень часто, но время шло, общение становилось все реже и реже. Частично причина заключалась еще и в том, что Коскэ было мучительно стыдно, ведь он не смог помочь Сатору с Хати. Если бы они виделись чаще, возможно,

чувство неловкости постепенно исчезло бы, но отсутствие встреч усугубляло чувство вины.

Тем не менее они продолжали обмениваться новогодними поздравлениями, и их отношения надолго не прерывались.

В письмах каждый непременно выражал надежду, что когда-нибудь они встретятся снова. Так продолжалось и в старших классах школы, и в университетские годы. Но чем больше откладывалась эта встреча, тем призрачней становилась ее перспектива.

На День совершеннолетия¹⁶ приехали многие одноклассники Коскэ и Сатору. Некоторые добирались из других префектур. Но Сатору среди них не было. Коскэ не знал, где он отмечал свое двадцатилетие.

Все очень радовались и никак не могли забыть ту встречу, даже начали изредка приезжать в гости.

Для создания Клуба старшеклассников возраст был еще не вполне подходящий, а вот для Клуба учеников младших или средних классов – в самый раз. Все жаждали повспоминать счастливое детство.

В итоге они решили создать Клуб выпускников шестого класса и пригласить туда всех, кто в нем учился. Коскэ стал его секретарем, потому что он остался жить в том городе, где была школа, и мог связаться с теми, кто перебрался в другие

¹⁶ *День совершеннолетия* – государственный праздник в Японии, отмечается во второй понедельник января (до 2000 года – 15 января). Совершеннолетними считаются молодые люди, достигшие двадцатилетнего возраста.

префектуры. На встрече решили пригласить всех учеников их шестого класса.

Коскэ сразу подумал о Сатору и послал ему приглашение. И как секретарь клуба, настойчиво попросил его приехать. Сатору позвонил в ответ. Голос у него совершенно не изменился, и они долго болтали, как будто расстались только вчера.

Сатору все говорил и говорил, как будто хотел наверстать упущенное.

– Отлично поболтали! Ну, пока! – сказал он на прощание и повесил трубку. Однако тут же перезвонил: он забыл дать ответ, разумеется, он придет на встречу клуба.

После этого их отношения оживились, они стали встречаться по несколько раз в году. Сатору жил в Токио, но теперь они были взрослые, и расстояния перестали иметь такое значение, как когда-то.

Сатору после окончания университета остался работать в Токио, Коскэ закончил местный университет и жил и работал там, где родился.

Фотостудию отец передал ему года три назад.

Несмотря на то что Коскэ вырос, они с отцом так и не нашли общего языка, и когда у отца пошатнулось здоровье, тот закрыл ателье и переехал жить в сельскую местность – в пригород. Он был из семьи землевладельцев и имел в собственности несколько земельных участков.

Некоторое время студия простаивала без дела, потом от-

цу надоело тратить деньги на ее содержание, и он решил избавиться от обузы. Во всяком случае, он неоднократно грозился исполнить свое намерение. И Коскэ каждый раз охватывала грусть.

Он вырос в доме при фотостудии, в окружении фотографий. Отец, обычно вспыльчивый и деспотичный, становился на удивление добрым и терпеливым, когда учил Коскэ фотографировать, и даже дарил ему старые камеры. Коскэ многому у него научился, понял, как правильно делать снимки – во всяком случае, в отцовской манере. Когда он подросток, то стал помогать отцу на съемках.

Только занимаясь фотоделом, они могли общаться друг с другом как отец и сын. Продажа студии означала одно: связывающая их ниточка оборвется и они начнут еще яростней воевать друг с другом.

Этого никак нельзя было допустить. Коскэ посоветовался с женой и обратился к отцу с просьбой передать студию ему, поскольку со службой у него все равно не клеится.

К его вящему удивлению, отец так обрадовался, что едва не расплакался. Коскэ даже подумал, что хоть теперь что-то изменится к лучшему.

– Но это были иллюзии... – со злостью сказал он.

– Вы так и не сумели поладить? – спросил Сатору.

– Наверное, не нужно было мне стараться быть почтительным сыном – при таком властном и эгоистичном отце.

Когда Коскэ открыл свою фотостудию, отец начал вмеши-

ваться и поучать.

Он диктовал Коскэ, как вести дела, как развивать бизнес и вообще руководить процессом. Хуже того, он давал непрошенные советы жене Коскэ.

Например, велел ей поскорее родить наследника, чтобы было кому передать дело. А она не могла забеременеть очень долго. Страшно переживала. Мать попросила отца быть деликатнее и выбирать слова, но его еще сильнее понесло – упрямство у него в крови. Наконец им удалось зачать ребенка. Это было в прошлом году. Однако в первом триместре, когда все так неустойчиво, у его жены случился выкидыш... Она и так убивалась, а тут еще отец «утешил»: «Ну ладно, зато мы теперь, по крайней мере, знаем, что ты не бесплодна!» Коскэ был просто в шоке!

(И этот человек – мой отец?! Сколько раз в детстве я задавался одним и тем же вопросом! С того самого дня, когда он пришел проводить Сатору, хотя накануне отказал насчет Хати! С бесстыжими глазами...)

– После того скандала жена вернулась к своим родителям. Бросила меня. Ее родители тоже, разумеется, возмущены. Сколько раз пытался извиниться, они и слушать не хотят. Однако с отца как с гуся вода, он только и сказал: «Современные молодые женщины чересчур чувствительны». Иногда мне хочется, чтобы он умер! – выпалил Коскэ и тут же спохватился: – Прости, что сказал такое.

«А вдруг я унаследовал от отца его бесчувственность?»

Эта мысль привела его в ужас.

– Да не переживай ты, – рассмеялся Сатору, – в семьях бывают разные отношения. Я никогда не желал смерти своим родителям. Но если бы у меня были другие, не знаю, что бы я чувствовал... На твоём месте, Коскэ... Не уверен, что смог бы любить такого отца. – Сатору вдруг расхохотался. – Некоторым вообще противопоказано иметь детей. Да и нет никаких гарантий, что дети и родители будут любить друг друга... – (Несколько неожиданное заявление для Сатору, у которого так рано погибли отец и мать.) – Надеюсь, твоя жена скоро вернется.

– Не уверен...

Дело было даже не в том, что её оскорбил свекор. Ей стал противен муж, который никогда не может дать отпор своему отцу. У Коскэ вошло в привычку молча сносить отцовскую ругань и насмешки. Условный рефлекс, выработанный в детстве. Когда отец оскорбительным тоном предъявлял ему нелепые обвинения, Коскэ терялся, робел и лишь бурчал в ответ что-то невразумительное.

– Неужели он до сих пор позволяет себе такое?

– Сейчас у нас очень мало клиентов. Это прежде здесь были толпы народа, люди устраивали фотосессии по всем торжественным случаям. Времена были другие. Но отец считает, что дело во мне, это я недоумок, не умею работать. Что за мной глаз да глаз. Мол, ему пора снова взять все на себя. И я это глотаю, у меня никогда не хватает духу сказать что-

ТО В ОТВЕТ.

* * *

...А вот я не такой! Если мне что-то не нравится, могу твердо сказать «нет». НЕТ значит НЕТ! Вот такой я кот. И что это за глупая затея – взять меня, чтобы вернуть жену, которая любит котов?! Клянусь своей кошачьей честью, я скажу ему твердое НЕТ!

– Как там Нана? Освоился немного?

Коскэ встал с дивана и подошел к переноске.

– Иди-иди сюда, иди!

Вот только попробуй насильно вытащить меня отсюда! Я так расцарапаю тебе физиономию, что она будет в клеточку, месяца три сможешь играть на ней в шашки!

– Кис-кис-кис!

Коскэ просунул в переноску руку. Я зашипел и оскалил зубы.

Стоп, тут красная линия!

Коскэ быстро отдернул руку:

– Э-э, он не хочет вылезать!

– Похоже на то. А знаешь... – задумчиво протянул Сатору. – Мне кажется, если уж ты решил завести кота... будет лучше, если вы с женой поищите себе нового.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Если ты возьмешь моего кота, это будет повторение ис-

тории. Как будто ты снова умоляешь отца оставить Хати.

– Да он уж и не помнит, что отказался взять Хати, я уверен.

– Но ты-то помнишь.

Коскэ промолчал.

То-то же! Не хочу отрицать, что Коскэ решил взять меня из благороднейших побуждений, во имя дружбы с Сатору. Но при этом замечу, что мое сходство с Хати наводит на мысль о призраках прошлого... А также нельзя сбрасывать со счетов желание вернуть жену, сбежавшую из-за его несносного папаши, хотя сам Коскэ в этом не признается.

– Думаю, ваш новый кот не должен никому ни о чем напоминать.

Коскэ надулся, как обиженный ребенок.

– Я правда любил Хати. И хотел тогда взять его к нам.

– Они очень похожи, но Нана – это Нана. Он совершенно другой, не такой, как Хати.

– Но ты же сам сказал, что это был перст судьбы, когда нашел Нана! Потому что они с Хати похожи как две капли воды. Если это судьба для тебя, значит и для меня тоже!

О-о-о! Эти двуногие... Почему они так плохо соображают, даже став взрослыми? Ужас какой-то!

– Мой Хати умер, когда я учился в старших классах. А твой Хати, Коскэ, до сих пор жив...

Это верно. Сатору принял смерть Хати и смирился с ней. И Хати занял в его душе свое место. Потому-то мы с Ха-

ти и не мешаем друг другу, у каждого своя ниша. Но ты-то, Коскэ, пока не смирился. Правда? Хотя умом понимаешь, что Хати больше нет. Умершего кота нужно оплакать как подобает, иначе он тебя никогда не отпустит. Даже если ты действительно искренне убиваешься из-за питомца, про которого ничего не слышал много лет, мне сдается, что для скорби немножечко поздновато. И еще. Ты, Коскэ, хочешь сделать из меня замену Хати. Сатору любит меня как кота по имени Нана, а ты хочешь, чтобы я заменил тебе Хати? Так не пойдет. Если добавить к этому твоего неуживчивого отца и уязвленную жену... будет уже чересчур! Я – чрезвычайно мудрый кот, так сказать, выдающийся, и я не намерен взваливать на себя ношу – разбираться в ваших отношениях и участвовать в семейных драмах. Нет уж, увольте!

– Если вы с женой действительно хотите кота... лучше найдите себе своего. Нового. Не позволяйте отцу лезть не в свое дело. Он, возможно, будет брюзжать, но вы не обращайтесь внимания. И сделайте то, что хотите. Пора уже в этом доме появиться коту.

Коскэ не отвечал, но по лицу было видно, что до него дошло. Поэтому я позволил ему погладить себя на прощание, когда он снова просунул руку в переноску.

Пора тебе освободиться от твоего отца, Коскэ. Бери пример с нас, котов, – мы становимся самостоятельными уже в шестимесячном возрасте.

Сатору поставил переноску в серебристый фургончик. Но все никак не мог расстаться с вышедшим проводить нас Коскэ и все говорил и говорил.

– Да, кстати! – Сатору хлопнул себя по лбу, словно припомнив что-то. – Последнее время многие студии специализируются на фотографиях домашних любимцев, это сейчас страшно модно. Люди хотят иметь красивые снимки своих животных, желающих на удивление много.

Коскэ явно заинтересовала идея:

– А ты уже фотографировал Нана?

– Еще нет. – Сатору задорно улыбнулся. – Но если ты откроешь такую студию, я, пожалуй, приду.

Коскэ рассмеялся:

– Не знаю, как отец переварит это... когда я выдам ему новую концепцию бизнеса.

Сатору сел в машину:

– А помнишь, как ты пригласил меня на встречу класса, когда мне было двадцать?

– Ну, это уже быльем поросло, – улыбнулся Коскэ. – А к чему это ты вдруг?

– К тому, что я еще не говорил тебе, как тогда обрадовался.

– Да будет тебе, ерунда, – отмахнулся Коскэ.

– Нет, в самом деле, я тебе так благодарен, – не унимался Сатору. – Я даже не думал, что у меня когда-нибудь будет

повод приехать сюда.

Наконец они распрощались, и машина поехала.

Не снимая рук с руля, Сатору обернулся ко мне.

– Я решил, что Коскэ лучше взять другого кота, – сказал он. – А тебе, Нана, мы найдем человека, на которого я смогу полностью положиться.

Без проблем. Я и не просил тебя об этом. А вот если бы ты попытался оставить меня там насильно, представляешь, что бы я сделал с тобой и с Коскэ? Я бы так изодрал ваши физиономии, что вы оба ходили бы в клеточку полгода – как минимум!

Сатору снова посмотрел на меня.

– Нана?! – изумленно воскликнул он. – Как ты выбрался из переноски?!

Как-как... А ты и не знал, что задвижка на переноске очень легко открывается лапой? Плевое дело.

– Потрясающе! Значит, ты можешь ее открывать?! Не думал... Надо будет купить тебе другую переноску...

Только это ты и можешь сказать? Но я ведь ни разу не попытался из нее улизнуть, даже когда ты возил меня в это жуткое место – в лечебницу.

– Впрочем, в этом нет нужды. Ты давно знаешь, как открыть дверцу, однако всегда меня слушался.

Вот-вот! Сатору, ты должен благодарить судьбу за то, что я такой исключительно умный кот.

Дотянувшись до бокового окна, я некоторое время изучал

мелькавший за стеклом пейзаж. Потом свернулся клубочком на сиденье.

По радио передавали какую-то рок-музыку, низкие басовые звуки неприятно вибрировали в животе. Мне такое не нравится. А вы и не знали, что у котов есть свои музыкальные вкусы?!

Я прижал уши и стал дергать хвостом из стороны в сторону, чтобы привлечь внимание Сатору. Он отреагировал довольно быстро.

– Вот как, тебе это не нравится? Ладно, посмотрим, что там у нас на записи.

Сатору включил магнитола, и из динамиков полилась легкая оркестровая музыка.

– Мама это очень любила. Поль Мориа¹⁷.

Хм. Совсем недурно. Под эту музыку хорошо представлять вспархивающих голубей. Для котов в самый раз.

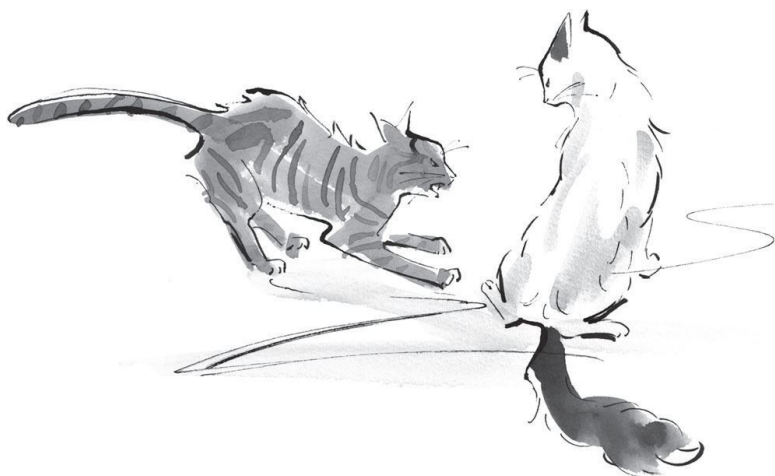
– Не знал, что ты любишь машины, Нана. Если бы знал, то брал бы тебя с собой в разные места...

Это ошибочное утверждение – что я люблю машины. Ты что, забыл, меня покалечила машина! Мне нравится только этот серебристый фургончик. Я облюбовал его еще до встречи с тобой, Сатору.

¹⁷ Поль Мориа (1925–2006) – французский композитор, аранжировщик классической и популярной музыки, руководитель и дирижер всемирно известного оркестра.

Хроника вторая

Ёсиминэ

В тот день в серебристом фургончике снова звучала музыка – точно такая же, как в прошлый раз. Под нее невольно представляешь себе фокусника, выпускающего из шляпы стаю голубей. Сатору сказал, что мелодия называется «Оливковое ожерелье»¹⁸. А почему в названии нет «голубей»? Если бы я давал название музыке, непременно бы вставил насчет

¹⁸ Имеется в виду одна из кавер-версий известной песни «El Vimbo», исполнявшаяся оркестром Поля Мориа.

них. Например, «Особые отношения между магическим цилиндром и голубями». Как вам такое?

– Сегодня нам повезло с погодой, что скажешь, Нана?

Сатору был в прекрасном настроении. В дождливую погоду всем котам хочется спать, интересно, а что чувствуют люди – на них погода тоже влияет?

– Когда нет солнца, никакого удовольствия от езды.

Ах вот как! Выходит, для людей погода – вопрос настроения. Двуногие такие беспечные существа, коты же очень сильно зависят от жизненных условий. А уж для бродячих котов и вовсе погода может быть вопросом жизни и смерти. Да и успех в охоте тоже определяет она.

– Передохнем на следующей заправке.

На сей раз у нас было крайне мало передышек – не так, как в поездке к Коскэ. Сатору сказал, что сейчас мы едем по скоростной автострате, в сущности, мы остановились по-нормальному лишь один раз, когда Сатору объявил, что мы подъезжаем к автозаправочной станции.

Сатору сказал, что нужно ехать именно по скоростной дороге, если путь неблизкий. И впрямь, путешествие оказалось долгим. Выехали мы вчерашним утром. Ехали весь день, потом заночевали в гостинице, где можно останавливаться с животными.

Поскольку путь оказался дальним, фургончик был поделен на зоны. Извините за такие подробности.

Когда я перебрался с переднего пассажирского сиденья на

заднее, Сатору встревожился:

– Что случилось? – Потом обернулся назад. – Ах, извини.

Да-да. У заднего сиденья стоял на полу мой лоток. Новенький, с такой специальной накидкой-балдахином, чтобы наполнитель не рассыпался повсюду. Сатору купил его для нашего путешествия. С таким туалетом теперь можно ездить везде – сколько душе угодно. Я готов путешествовать хоть всю жизнь.

– Нана, мы подъезжаем к заправке.

Ладно-ладно, муркнул я, загребая под себя наполнитель.

Поставив машину на парковку, Сатору достал из багажного отделения мои миски для еды и питья. Поставил их на пол машины. Потом в одну насыпал сухого корма, а в другую налил воды из пластиковой бутылки.

– Я тоже в туалет.

Он поспешно закрыл дверцу и убежал. Похоже, ему сильно приспичило, но сначала он позаботился обо мне, вот какой у меня хороший хозяин.

Для начала я решил промочить горло, но тут в окошко легонько постучали. *Что там опять?!*

Обернувшись, я увидел в окне молодую пару. Похоже, муж и жена. Они так таращились на меня, что прямо к стеклу прилипли. С идиотскими улыбками на лицах.

– Кот!..

Ну да, кот. Кот, который ест сухой корм. Что тут та-

кого особенного?

– Ой, посмотри, он кушает! Какой хорошенький!

– Просто прелесть!

Послушайте, вы, пара недоумков! Вот если бы кто-то тыкал пальцем в вас, когда вы едите? Вам бы понравилось? Небось сразу аппетит бы пропал. А у меня сегодня шикарный обед – со вкусом куриной грудки и морских деликатесов. Объясните мне, как этим кошатникам удастся мигом меня выследить?! Стоит нам только остановиться, как они тотчас же начинают роиться вокруг! Интересная штука, да? Если б это вы, ребята, давали мне пищу, я был бы с вами любезен – в зависимости от качества угощения. Но меня кормит только один человек – Сатору. Так что позвольте мне сосредоточиться на моей трапезе.

Я проигнорировал парочку и продолжил есть. Поняв, что их внимание меня не радует, парень с девицей, перебрасываясь смешками и шутливо повизгивая, ретировались. Однако буквально через мгновение я снова почувствовал на себе чей-то пронизывающий взгляд. Я невольно поднял глаза.

На сей раз к окну прильнул страшноватого вида дед, похожий на древнее чудище из легенд. А-а-а! Я невольно отпрянул, и дед аж в лице переменился. Обиделся...

Да ладно, любой бы шарахнулся, покажи ему во время обеда такую жуткую физиономию! Я не виноват. Тут кто угодно перепугается.

Тем не менее дед не ушел, а все с тем же обиженным ви-

дом продолжал пялиться в окно, разглядывая меня.

– Вы любите кошек? – Это голос Сатору. Вернулся.

– Какой хорошенький маленький котенок... – смущенно ответил дед.

Что-о-о? Хорошенький маленький котенок?! Мое негодование достигло предела. Я посмотрел на деда и мяукнул.

Сатору улыбнулся и кивнул деду:

– Хотите его погладить?

– А можно?

Дед вспыхнул, как маленькая девочка.

Сатору открыл дверцу. Дед протянул руку и погладил меня, он прямо весь светился. Но тут...

– Bay! Кот!!! Кот!!!

Это верещание исходило от пролетавшей мимо стайки девиц с крашеными белыми волосами и размалеванными темным тональным кремом лицами.

– И мы хотим его погладить! Можно нам тоже?

НЕ-Е-ЕТ!!! Вам-то я точно ничего не должен! Я оскалился и вздыбил шерсть на загривке.

– У-у-у! Какой противный! Злюка... – завопили девицы.

Их как ветром сдуло.

– Но я так хотела его погладить! – кричала одна на бегу.

– Да ну, с такими бровями... и вовсе он не хорошенький!

ЧТО-О?! От такого несправедливого оскорбления я даже пасть открыл. Потом поднял верхнюю губу и показал зубы.

– Что ты, что ты, Нана! Ты очень-очень хорошенький! –

поспешно заверил меня Сатору. – Это они вульгарные и безвкусные, у них свои представления о красоте. Это же гяру!¹⁹

¹⁹ *Гяру*, или gal (от *искаж. англ. girl* – девушка) – японская молодежная субкультура, возникшая еще в 70-е гг. прошлого века. Ее представительницы имеют особые представления об идеалах красоты, любят чрезмерно яркую модную одежду и кричащий макияж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.